

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Alan Bradley
THE GRAVE'S A FINE AND PRIVATE PLACE

Впервые опубликовано Delacorte Press, New York, NY
под названием «The Grave's a Fine and Private Place».

Печатается с разрешения автора при содействии литературных
агентств The Bukowski Agency Ltd., Toronto
и The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Елены Измайловой

Перевод стихотворений Михаила Савченко

Дизайн обложки и макета Екатерины Елькиной

Брэдли, Алан.

Б89 В могиле не опасен суд молвы : [роман] / А. Брэдли ;
[пер. с англ. Е. Г. Измайловой]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-17-111567-8

В семье де Люс случилась трагедия. Проявляя поистине англий-
ский стоицизм, сестры де Люс молча страдают. Мрачная Флавия вос-
крешает в памяти способы получения самых быстродействующих
ядов, на случай если она все-таки решится расстаться с жизнью.
Неужели поместье Букшоу уже никогда не будет прежним? В попытке
наладить отношения Флавия с сестрами отправляются в лодочное
путешествие. На их пути — маленький городок, печально прославив-
шийся после того, как местный викарий отравил трех прихожанок во
время святого причастия. В реке рядом с пристанью наблюдательная
Флавия обнаруживает труп юноши. Ничто не может отвлечь млад-
шую де Люс от печальных мыслей лучше, чем новое расследование!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111567-8

Copyright © 2018 by Alan Bradley
© Измайлова Е.Г., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Ширли, моей музе

*В могиле не опасен суд молвы,
Но там не обнимаются, увы!¹*

Эндрю Марвелл
«К стыдливой возлюбленной»,
1681 г.

¹ Перевод Г. Кружкова. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ГЛАВА

возлежу на смертном одре.

Снова.

Я сделала все возможное, лишь бы выжить, но этого оказалось недостаточно. Есть пределы человеческим возможностям.

Охваченная горькими воспоминаниями, я отвернулась лицом к стене.

На Рождество неожиданно умер отец, и мы быстро поняли, что оставшуюся после него пустоту ничем нельзя заполнить. Он был клеем, который держал всех нас вместе, и когда он умер, сестры и я, даже в лучшие времена не бывшие друзьями, превратились в смертельных врагов. Каждая из нас, отчаянно стремясь захватить власть, получить хоть какой-то контроль над распадающейся жизнью, все время конфликтовала с остальными. С одинаковой

А Л А Н Б Р Э Д Л И

легкостью мы бросались словами и посудой. И неважно, кто пострадает.

Когда наша семья оказалась на грани развала, из Лондона приехала тетушка Фелисити, дабы примирить нас.

По крайней мере, она так объявила.

На случай если мы забыли, нам быстро напомнили тот факт, что наша дражайшая тетушка, как милостиво гласит Книга общих молитв, является женщиной, следующей стремлениям и порывам своего сердца.

Иными словами, это упрямая старуха, деспот и тиран.

Тетушка Фелисити заявила, что Букшоу следует немедленно продать, несмотря на то, что он принадлежит мне и я могу распоряжаться им по своему усмотрению. Фели должна как можно скорее выйти замуж за Дитера Шранца, как только закончится траур. Даффи нужно отправить в Оксфорд изучать английскую филологию.

— Кто знает, может, когда-нибудь ты станешь одаренной преподавательницей, — заметила тетушка Фелисити, после чего Даффи швырнула в камин чашку и блюдо и вылетела из гостиной.

«Злиться бессмысленно, — ледяным голосом объявила тетушка Фелисити. — Приступы гнева только создают новые проблемы и не решают имеющиеся».

В МОГИЛЕ
НЕ ОПАСЕН СУД МОЛВЫ

Что касается меня, я вместе с кузиной Ундиной должна поехать в Лондон к тетушке Фелисити, пока она не решит, что с нами делать. Я уверена, что меня захотят отослать в очередное место, где я должна буду продолжить учебу, прерванную, когда меня исключили из женской академии мисс Бодикот в Канаде.

Но как же Доггер и миссис Мюлет? Что с ними будет?

— Их уволят и назначат им небольшую пенсию в зависимости от выслуги лет, — объявила тетушка Фелисити. — Уверена, они оба будут очень благодарны.

От Доггера просто отмахнутся, назначив пенсию? Немыслимо. Доггер отдал нам почти всю жизнь: сначала отцу, потом матери, сестрам и мне.

Я представила, как он в поношенном пиджаке сидит на деревянной скамейке где-то у реки и просит милостыню у проходящих мимо туристов, время от времени фотографирующих его, чтобы показывать потом своим придурковатым родственникам.

Доггер заслуживает лучшего.

А миссис Мюлет?

Ей придется готовить незнакомцам, она зачахнет и умрет, и виноваты будем мы.

Наши жизненные перспективы выглядели крайне мрачно.

А Л А Н Б Р Э Д Л И

Потом, в начале февраля, все стало еще хуже. Умер король Георг VI, приятный человек, который когда-то приветливо болтал со мной у нас в гостиной, как будто я его дочь; и с его смертью весь народ, все жители стран Содружества, а может быть, и весь мир, погрузились в уныние вместе с нами.

А я? Как же Флавия де Люс?

Погибну, решила я.

Лучше свести счеты с жизнью, чем гнить в Лондоне, на кишашей голубями площади, в унылом доме тетушки, которая дорожит «Юнион Джеком» больше, чем своей собственной плотью и кровью.

Опытный эксперт в ядах, я точно знала, что надо сделать.

Никакого цианида, нет уж, увольте!

Я слишком хорошо знаю симптомы: головокружение, слабость, жжение в горле и желудке, потом паралич блуждающего нерва, затрудненное дыхание, холодный пот, слабеющий пульс, паралич всего тела, давящая боль в сердце, слюнотечение...

Мне кажется, именно слюнотечение заставило меня отказаться от цианида. Какая уважающая себя юная леди захочет, чтобы ее труп был обнаружен в луже слюны?

Есть более легкие способы воспарить в кущи небесные.

В МОГИЛЕ
НЕ ОПАСЕН СУД МОЛВЫ

Так что вот, лежу я на смертном одре, мне тепло и хорошо, я полуприкрыла глаза и напоследок рассматриваю отвратительные обои — горчичные с красными пятнами.

Скоро я усну, и все они никогда в жизни не поймут, отчего я умерла. Как я хорошо все продумала! «Они пожалеют, — подумала я. — Они пожалеют».

Но нет! Я не должна почить вот так. Это неподходящее выражение лица, слишком простое. С такими лицами умирают заурядные молочницы и продавщицы спичек.

Смерть Флавии де Люс требует чего-то более возвышенного: переступая порог смерти, я должна думать о чем-то великом и благородном.

Но о чем?

Религия — слишком обыденно.

Возможно, я могла бы, например, погрузиться в размышления об особенных электронных связях диборана (B_2H_6) или о еще не установленных валентностях моногидрата трихлорэтиленплатината (II) калия.

Да, именно!

Рай распахнет передо мной двери.

Когда я ступлю на порог, огромные хрустальные ангелы, поблескивающие морозными всполохами, скажут: «Хорошая работа, де Люс».

Я обхватила себя руками и свернулась в клубок.

Как приятно умирать, когда все сделано как надо.

А Л А Н Б Р Э Д Л И

— Мисс Флавия, — Доггер нарушил мои приятные мысли. Он перестал грести и указывал мне на что-то.

Вмиг меня вырвали из сладких грез. Если бы это был кто-то другой, а не Доггер, он бы жестоко поплатился.

— Это Воулсторп, — сказал он. — Слева от самого высокого вяза — Святая Милдред.

Он знал, что я не хотела бы пропустить это зрелище: церковь Святой Милдред-на-болоте, где каноник Уайбрэд, пресловутый Каноник-Отравитель, два года назад лишил жизни нескольких прихожанок, добавив в святое причастие цианид.

Разумеется, он сделал это во имя любви. Яд и страсть, как я уже обнаружила, соединены так же тесно, как горошек и морковь.

— Выглядит безобидно, — заметила я. — Этот пейзаж словно сошел со страниц «Живописной Англии».

— Да, — согласился Доггер. — Так обычно и бывает. Ужасные преступления часто происходят в мирных местах.

Он устался на другой берег и умолк. Я знала, что он вспоминает японский лагерь военнопленных, где он и мой отец подвергались жутким мучениям.

Как я уже говорила, причиной раздора в нашей семье стала смерть отца шесть месяцев назад. Офелию, Дафну и меня тянуло в разные стороны.

В МОГИЛЕ
НЕ ОПАСЕН СУД МОЛВЫ

Унди́на, как было решено, уже уехала в Лондон с тетушкой Фелисити.

Сейчас Фели лениво раскинулась на полосатых подушках на носу лодки, намазав лицо репеллентом и рассматривая свое отражение в воде. С тех пор как мы отплыли, она не сказала и слова. Ее пальцы отстукивали на планшире мелодию — я угадала в ней «Песню без слов» Мендельсона, — но лицо ничего не выражало.

Даффи, сидевшая на скамье, сторбилась над книгой — «Анатомией меланхолии» Роберта Бертона — и не обращала совершенно никакого внимания на прекрасные английские пейзажи, медленно проплывавшие мимо нее.

Неожиданная смерть отца погрузила нашу семью в апатию, и, я думаю, дело в том, что мы, де Люсы, по природе своей неспособны на выражение печали.

Только Доггер сломался и поначалу выл в ночи, как собака, но в последующие дни, длинные и полные страданий, и он стал молчаливым и бесстрастным.

Какая жалость.

Похороны прошли ужасно. Денвин Ричардсон, викарий и старый друг отца, разрыдался и не смог продолжать службу. Пришлось искать другого священника. В конце концов пригласили старого каноника Уолпола из городка по соседству, и он закончил

А Л А Н Б Р Э Д Л И

то, что начал его коллега. Его речь напоминала собачий лай над трупом.

Суций кошмар.

Вынужденная взять ответственность на себя, тетушка Фелисити примчалась из Лондона (как я уже говорила). Смерть единственного — и младшего — брата повергла ее в состояние неистовства, в результате чего она начала обращаться с нами как со слабоумными рабами на галерах, швыряясь приказами вроде:

— Сложи журналы по порядку, Флавия. Сначала по алфавиту, а потом хронологически. Передней обложкой вверх. Это гостиная, а не воронье гнездо. Офелия, принеси метлу и смахни паутину. Это место напоминает могилу.

Потом, осознав, что она ляпнула, тетушка аж покрылась рябью от подавленного стыда и понесла еще большую чушь, которую я не стану здесь пересказывать, опасаясь, что когда-нибудь она прочитает и жестоко мне отомстит.

Я слишком драматизирую? Отнюдь.

— Вы напоминаете мне кучку слизней, — объявила тетушка Фелисити. — Надо что-то сделать, чтобы стряхнуть с вас тину.

Поэтому было решено — хотя я до сих пор не пойму, кем именно, — что нам всем нужен отдых: автобусные экскурсии, полосатые шезлонги у моря или хотя бы свежий воздух.

В МОГИЛЕ
НЕ ОПАСЕН СУД МОЛВЫ

Мне кажется, прогулку по реке предложил Доггер: ленивые дни у воды, лимонад и имбирный эль от «Фортнем и Мейсон», чередка сельских отелей с их пуховыми матрасами ночью и горячими ростбифами днем.

— Вспомните «Гекльберри Финна», — сказала Даффи. — Кто знает, Флавия? Вдруг тебе повезет и ты найдешь труп на корабле.

Маловероятно — но все что угодно лучше, чем оставаться в Букшоу, где траур, похоже, воцарился до конца времен.

Я никогда раньше этого не замечала, но дом захватили пыль и влага. Воздух стал затхлым, как будто останки нескольких поколений де Люсов вытряхнули из пылесоса и разрешили им располагаться, где они пожелают. Это заметила Даффи.

— Наш дом напоминает заросшую плесенью часовню в парке из «Холодного дома», — вздрогнув, сказала она и закуталась в кардиган.

Даффи процитировала книгу, которую маниакально перечитывает с тех пор, как еще лежала в коляске. Стоит ей дочитать до последней страницы, как она снова открывает первую. «Чувствуешь такой запах, такой привкус во рту, словноходишь в склеп дедлоковских предков¹. Кар!»

¹ Цит. из романа Ч. Диккенса «Холодный дом» в переводе М. И. Клягиной-Кондратьевой.

А Л А Н Б Р Э Д Л И

«Кар!» — это из репертуара Даффи, не из Диккенса.

Свадьба Дитера и Фели, назначенная на июнь, была отложена из уважения к памяти отца. Имели место сцены с битьем посуды, сдиранием обоев, разрезанием обивки и тому подобное, но все тщетно.

— После смерти родителя назначается период глубокого траура продолжительностью шесть месяцев, — объявила тетушка Фелисити, выдавая свою приверженность армейским порядкам, хотя она должна храниться в глубокой тайне. — И ни днем меньше. Кричи сколько хочешь, ты не заставишь меня передумать.

И все тут.

То, что должно было стать периодом блаженства, превратилось в кошмар, когда нервозность, страх и гнев Фели победили здравый смысл, не оставив от него ни капли. Результатом стала серия ссор и примирений с Дитером, за которыми следовали приступы злобы, силе которых позавидовал бы Чингисхан.

Дитер выносил все это с непоколебимым спокойствием, но рано или поздно даже герои вынуждены отступить, чтобы зализать раны.

Так что мы в суматохе собрали чемоданы — все, кроме Доггера, который всегда готов ко всему, — и отправились в путешествие, которое должно исцелить нас.

В МОГИЛЕ
НЕ ОПАСЕН СУД МОЛВЫ

Но все пошло наперекосяк.

К тому времени как мы смогли уехать из Букшоу, отец был мертв уже почти шесть месяцев. Казалось, особенно в начале, что Доггер потерял самую важную часть своей души. Но шли дни, и становилось все более очевидно — во всяком случае, мне, — что он обрел что-то более важное.

В последние несколько недель Доггер словно начал светиться. Это трудно описать, но я постараюсь.

Это выглядело не так, будто он только что побрился и намазался гвоздичным лосьоном, ибо Доггер выше подобных трюков.

Нет, у него словно начал отрастать нимб: бледное свечение, как на картинах средневековых святых, — вокруг них рисуют золотой ореол, словно на головы вышеупомянутым святым надели перевернутый чайник.

В Библии на самом деле нет никаких нимбов — равно как там нет кошек и баянов. Если вам нужны нимбы, придется поискать их в «Энциклопедии Британике», они там находятся между нильтреугольной матрицей и нимоником. Как всем известно, настоящие нимбы, вроде тех, что можно наблюдать вокруг луны или солнца, являются результатом отражения и преломления света в ледяных кристаллах, находящихся в атмосфере. Но объяснения нимбам святых нет, хотя их можно легко представить в своем воображении. По крайней мере, я могу.